

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Микаэль Катц Крефельд

За гранью
Пропавший
Секта

Микаэль
Катц
Крефельд

СЕКТА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44
К 80

Michael Katz Krefeld
SEKTEN

Copyright © 2015 Michael Katz Krefeld & Lindhardt og Ringhof Forlag
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

Перевод с датского Инны Стребловой

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

Крефельд М. К.

К 80 Секта : роман / Микаэль Катц Крефельд ; пер. с дат. И. Стребловой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 352 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-07276-3

Фердинанд Месмер, известный бизнесмен из Копенгагена, обращается к частному детективу Томасу Раунсхольту, чтобы тот нашел его сына Якоба. Десять лет назад Якоб порвал все связи с семьей и основал секту «Избранников Божиих». С тех пор о его жизни и жизни его общины ничего, кроме темных слухов, не известно. Как вскоре начинает понимать Томас, «Избранники Божии» — это закрытый и жестко организованный мир, в котором действуют поистине дьявольские правила и проникновение в который может быть смертельно опасным... Роман «Секта» — третья книга в популярном сериале о Вороне — бывшем полицейском, которому, кроме прочего, приходится сражаться и с собственными демонами и кошмарами. Книга стала международным бестселлером, в который раз утвердив место Крефельда среди звезд мирового детектива.

Впервые на русском языке!

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

© И. Стреблова, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-07276-3

Если я пойду и долиною смертной тени,
не убоюсь зла,
потому что Ты со мной;
Твой жезл и Твой посох —
они успокаивают меня.

Псалом 22: 4

*Свету моей жизни,
моей вечно любимой Лис*

Он взглянул на сына, который сидел рядом с ним спиной к окну, за столом. Стоял октябрь, и сад за широким окном утопал в сгустившихся сумерках. На фоне неба чернели силуэты низкорослых фруктовых деревьев. Мальчик, которому едва пошел седьмой год, зажав в кулачке вилку, елозил ею по тарелке, стараясь подцепить ломтик жареной картошки. В другой руке он держал голубую машинку с облупившимся радиатором. Глядя на сына, отец узнавал в нем собственные черты: тот же нос, те же опущенные уголки губ, те же близко посаженные глаза, которые придавали им обоим вечно задумчивое выражение. Он погладил сына по голове, и ребенок с видимым удовольствием принимал его ласку. Круглые щечки и веснушки — это у него от матери. Она хлопотала у плиты, доставая картошку из фритюрницы и раскладывая ее рядом с глянцевыми от масла шницелями, уже выложенными из фритюрницы на тарелки.

— Положить тебе горошка? — спросила она, не оборачиваясь.

— Пожалуйста, только немножко.

Он взял со стола салфетку и расстелил ее у себя на коленях, прикрыв темные брюки. Вернувшись со службы, он сел за стол не переодеваясь, оставшись в костюме и голубой рубашке, и только сменил обувь на разношенные, удобные шлепанцы из верблюжьей шерсти.

— Ну а ты? Разве ты не хотел горошка?

Мальчик энергично замотал головой.

— Почему? Ты ведь всегда любил горошек?

Мальчик кивнул и заговорил с набитым ртом:

— Ну да. Только горошины очень уж скользкие.

— Нельзя разговаривать с набитым ртом.

Он взглянул на жену, которая подала ему тарелку и, поставив на стол свою, села рядом. Она взяла кетчуп, чтобы приправить соусом картошку и шницель. Мешки под глазами и потрескав-

шиеся руки портили ее, она казалась гораздо старше своих тридцати двух лет. Когда они познакомились, она пленила его улыбкой, которая теперь так редко появлялась на ее лице. Странно — казалось бы, сидит дома, на работу не ходит; непонятно, откуда такой усталый вид? Он налил ей фруктовой воды из кувшина. Она кивком его поблагодарила.

Сын отложил вилку и, судя по всему, был больше поглощен машинкой, чем едой: он катал автомобильчик по узорчатой скатерти, библикая и изображая голосом гудение мотора, постепенно прибавляя скорость; потом замолчал и, громко зевая, обогнул машинкой бокал с фруктовой водой.

— Нельзя играть за едой, — сказала мать.

— Ладно, оставь его.

Он поймал ее удивленный взгляд. Понятно, как же ей не удивляться! Ведь обычно он строго следил за соблюдением правил, включая и поведение за столом.

— Попей фруктовой воды, — с улыбкой обратился он к сыну, и тот поспешил осушить свой бокал.

— Ну как у тебя прошел день? — спросила жена.

— Спасибо, превосходно.

— Что-нибудь особенное?

— Да нет, ничего такого. Все — как всегда.

— Совсем ничего? — продолжала она настойчиво.

Он отложил прибор, снял с коленей салфетку и тщательно вытер уголки губ.

— Пожалуйста, пойми меня правильно. Я очень ценю, что ты интересуешься, как идут дела у меня на работе, но если бы я начал подробно рассказывать тебе обо всем, чем мне пришлось заниматься сегодня, или вчера, или в любой другой день, ты мало что из этого поняла бы. Поэтому разговоры на эту тему не имеют смысла.

Она заморгала и проглотила, не дожевав, кусок, который только что взяла в рот, невольно издав полупридушенный звук.

— Я же... Я же только, чтобы поговорить... Можно о чем-нибудь другом.

— Я это понял. Первое, что ты сказала. Но не лучше ли нам помолчать?

Женщина ничего не ответила, но заторопилась с едой, как будто спешила уничтожить все, что было на тарелке, чтобы поскорее покончить с обедом. И хотя она поглощала пищу как-то

уж очень некрасиво, сегодня он решил воздержаться от замечаний. Он снова принялся за еду, обратив взгляд на сад за панорамным окном. Он всматривался в плодовые деревья, которые, казалось, тоже пристально глядели на него. Они словно бросали ему обвинение. В саду было тихо, ни ветерка, но ему чудилось, что деревья шевелятся и, глядя на него, качают головами. Он встал, чтобы задернуть занавески, и вдруг за спиной что-то загремело. Это у жены из рук вывалились нож и вилка и со звоном упали на тарелку. Она покачнулась на стуле и, тяжело дыша, схватилась за голову. Ее шея задержалась, словно женщина пыталась что-то сглотнуть. Неверным движением она потянулась к бокалу, и тот опрокинулся. Содержимое растеклось по скатерти темным пятном.

— Из... вини... — выдавила она, запинаясь.

Стараясь держать голову прямо, она перевела взгляд на сына. Мальчик лежал, безжизненно уронив голову на стол, его пальцы все еще сжимали в кулачке голубую машинку.

С невнятным восклицанием женщина посмотрела на мужа. Он спокойно выдержал ее взгляд, не переставая жевать.

— Ничего страшного. Иди и ложись спать.

Она так удивилась, что воззрилась на него с раскрытым ртом. Ее взгляд упал на его нетронутый бокал с соком.

— Что такое... Что такое ты сделал? — Пошатнувшись, она взмахнула рукой, стараясь удержаться, но не смогла и, как мешок, сползла со стула и осталась лежать на линолеуме.

Он перегнулся через край, чтобы посмотреть, что делается на полу, и пожевал губами, разглядывая жену. Она лежала с вытянутой рукой, напоминая пловчиху во время заплыва, хотя его жена никогда не занималась спортом да и, как человек, выросший в деревне, вообще вряд ли умела плавать.

Покончив с обедом, он встал и подошел к широкому окну. Несмотря на то что облетевшие деревья утонули во мраке, он все же задернул длинные занавески. Убрав со стола, он выбросил недоеденные остатки в ведро для отходов. С его собственной тарелки скатилось несколько забытых горошин, и он нагнулся, чтобы собрать их с пола. Сын был прав: горошек очень неудобная штука и с горошинами трудно управиться. Он пожалел, что им довелось так мало времени провести вместе. Но время истекло. Он сунул грязную посуду в моечную машину и включил огонь под фритюрницей на полную мощность. Затем вернулся

к столу и взял на руки мальчика. Ребенок недовольно застонал, но не пришел в сознание — он находился под действием морфина. С ребенком на руках он вышел из кухни и понес его через длинную гостиную в спальню. Сначала он хотел отнести его в детскую, но передумал, решив ввиду сложившихся обстоятельств взять его к себе. Уложив ребенка на середину двуспальной кровати, он снова направился в кухню. От фритюрницы шел дым, и пахло горелым. В следующий миг пары перегретого масла вспыхнули, из фритюрницы взвились языки пламени и начали лизать стену. Напрягая силы, он поднял с пола жену. Она оказалась тяжелее, чем он думал. Оставив позади полыхающий огонь, который, охватив навесные шкафы, продолжал распространяться с большой скоростью, он перенес жену в спальню и уложил на кровать рядом с мальчиком. Он снял с них обувь, но одежду не тронул. Их руки он сложил на груди, как у покойников. Присев на кровать, он снял шлепанцы и носки, затем стащил с себя и кинул на пол пиджак и лег сам вместе с женой и сыном. Он закрыл глаза и попытался успокоиться. Это ему не удалось. Он хотел было встать и налить себе стакан фруктовой воды с морфином, но решил, что это будет трусостью. Страх перед пламенем представлялся ему заслуженным испытанием. Так же как и боль, когда он будет заживо гореть в полном сознании. Вскоре он закашлял от дыма, который серым ковром расползлся по полу. Он слышал, как трещит огонь, перебираясь из кухни в другие помещения. Пожар бушевал, охватывая гостиную. Бежал понизу, пожирая паркет и дотягиваясь до навесного потолка. Должно быть, пламя уже охватило картины на стенах; одна из них, дорогая, принадлежала кисти Хеерупа, а сейчас огонь, наверное, добрался до рояля фирмы «Хорнунг и Мёллер» и превращает его в кучу головешек. Удушливый дым ел ему глаза, хотя он держал их закрытыми, забивался в глотку и не давал дышать. Он сожалел только об одном: что оставил на работе прощальную записку. Но тогда этот поступок казался ему единственно правильным. Потому что так полагается делать, когда ты принял подобное решение. Здесь есть свои правила, подобно тому как существуют правила поведения за столом или вот сейчас, когда он укладывался сам и укладывал свою семью. Определенные правила регулируют даже то, как обращаться с непослушными горошинами на тарелке. Кому, как не ему, было знать, что все в мире подчиняется системе.

Кристиансхавн, август 2014 года

Радиоведущий, представившийся как Тедди К., сообщил, что метеорологи из Датского метеорологического института предупреждают: нынешний день, возможно, окажется самым жарким днем этого лета. Было еще только половина одиннадцатого, но Томас Раунсхолт не сомневался, что метеорологи не ошиблись, хотя пронзительный голосишко Тедди К. звучал совсем не убедительно. В стареньком «ауди» Томаса все стекла были опущены, майка на нем промокла от пота. Тут радиоведущий объявил рекламную паузу, и Томас автоматически убавил громкость. Он с удовольствием выключил бы приемник, однако, проехдив целую неделю на автомобиле, который ему предоставил заказчик, так и не разобрался, как это делается.

Пропустив вперед два автомобиля, Томас следовал за черным «порше-кайен», лавирующим в потоке машин. У водителя «порше» тоже были опущены все стекла, и из салона гремела музыка в стиле хип-хоп. Когда «порше» свернул на улицу Упландсгаде и, проехав немного, направился к парковке у магазина «Супер-Бест», Томас включил поворотник и свернул туда же.

Просторная парковка была почти пустой, и «порше» проехал к размеченным местам поближе к входу. Томас заехал в дальний ряд и остановился, развернувшись в сторону «порше». Он поискал глазами видеокамеру, которую сам положил где-то рядом с собой, а теперь не находил.

— А ну-ка, Мёффе, давай подвинься! — сказал он, отодвигая разлегшегося рядом на пассажирском сиденье упитанного английского бульдога. Обнаружив камеру под брюхом у собаки, он просунул туда руку и потянул.

Мёффе обиженно заворчал.

— Нечего ругаться, а то, смотри, оставлю в следующий раз дома! — сказал Томас, откидывая видеоискатель. Камера автоматически включилась и заработала. Томас приподнял ее ровно настолько, чтобы объектив выглядывал над приборной доской. Камера зажужжала, автоматика настроила фокус. Томас сделал «наезд» на «порше» и нажал на кнопку «съемка». Со стороны пассажирского сиденья из машины вылез лысый толстяк лет сорока пяти в ковбойских шортах и кожаном жилете с надписью на спине; на шее у него был надет ортопедический воротник, не дававший поворачивать голову. Затем открылась дверца водителя, и из нее выскочила крупная женщина плотного сложения с длинными платиновыми волосами, руки и плечи у нее, как и у мужа, были сплошь покрыты татуировкой. В первый момент Томасу показалось, что татуировкой украшено и ее лицо, но потом он разглядел, что это синяк под глазом. Муж сказал ей что-то громким голосом, но Томас не расслышал слов. В следующую минуту женщина открыла заднюю дверцу и вытащила из машины мальчишку лет десяти, по сложению похожего на родителей. Он играл на планшетнике и был совершенно поглощен этим занятием. Отец сунул мальчишке монетку и ткнул пальцем в сторону навеса, под которым стояли выстроившиеся в ряд тележки для товаров. Мальчишка не торопился выполнять поручение, и жена сама пошла за тележкой, что-то недовольно буркнув. Муж в ответ только пожал плечами и показал рукой на свой воротник. Томас продолжал снимать, как семейство двигалось в сторону магазина, до тех пор, пока они не скрылись внутри за автоматическими дверями.

— На часах, — сказал Томас, бросив взгляд на встроенные в приборную доску электронные часы, — десять часов тридцать восемь минут. Продолжаю наблюдение за Карстеном Нильсоном с семьей, проследовав за ними до магазина «Супер-Бест» на Амагере. По-прежнему ничто не указывает на то, что объект наблюдения симулирует травму.

Томас выключил камеру и вышел из машины. Мёффе проводил его внимательным взглядом.

— Сиди тут. Возможно, тебе повезет и, когда я вернусь, тебе перепадет что-нибудь вкусное.

Пес фыркнул и снова положил голову на лапы.

Томас направился к входу, прикрывая видеокамеру перекинутой через локоть курткой. У него не было особых надежд на то, что Карстен в общественном месте совершит глупость, которая докажет, что он собирается мошенническим путем получить со страховой компании компенсацию за травму в размере сорока пяти процентов от страховой суммы, что в денежном выражении составляет без малого два миллиона крон. Страховой полис был подписан за три недели до заявленной автомобильной аварии, единственным свидетелем которой был водитель, виновный в происшествии. Настораживало то обстоятельство, что водитель оказался членом того же байкерского клуба, что и пострадавший Карстен Нильсон, и пару лет назад тоже получил страховое возмещение при похожих обстоятельствах. Томас работал над этим делом уже больше недели, и если сегодня ему не удастся зафиксировать на видеокамеру что-нибудь разоблачающее Карстена как симулянта, то этот молодчик, заслуживший среди рокерской братвы прозвище Крыса, сорвет желанный куш.

Миновав стеклянную дверь, Томас прошел вглубь супермаркета, где царил приятная прохлада. В зале почти не было посетителей. Томас взял корзинку и для вида кинул в нее две-три пачки первых попавшихся товаров. Возле длинных холодильных прилавков он догнал семейство Нильсонов с полной тележкой покупок. Томас пошел следом за ними по магазину, держась на несколько шагов позади. Нагруженную тележку толкала перед собой женщина, а Карстен плелся за нею, стуча деревянными подошвами летних сандалий. Лицо у него было распаренное, и он то и дело хватался за воротник, который не давал ему повернуть голову. Каждый раз, когда нужно было посмотреть направо или налево, ему приходилось поворачиваться всем туловищем. Эти движения придавали ему вид робота, исполняющего брейк-данс. Когда они дошли до отдела, где продавались напитки, Карстен ткнул сынка в бок и велел ему взять упаковку «слоников».

— Сам возьми, — буркнул мальчишка, не отрываясь от планшетника.

Карстен вырвал у него из рук планшетник и, нагнувшись, приблизился почти вплотную к его лицу:

— А ну сейчас же отдай! Отдай, говорю, эту дрянь! — заорал на сына Карстен, налившись краской.

Покосившись на планшетник и убедившись, что тот находится вне пределов досягаемости, сын шагнул к полкам и протянул руку за упаковкой бутылок из первого ряда. С усилием он вытянул одну.

— Ой, пап, она же тяжеленная!

— Сказано тебе — «слоники»! — рявкнул Карстен и ткнул пальцем в упаковку пива со слонами. Мальчишка отпустил первую коробку, поплелся, куда было указано, и достал нужную. Мать подхватила с другой стороны, и в четыре руки они уложили упаковку в тележку.

Они отошли от полок, и Томас проводил их глазами. Он уже знал, что Карстен, хотя и не блистает умом и его ай-кью не превышает среднего уровня даже среди рокеров, все же достаточно сообразителен, чтобы не рисковать понапрасну страховой премией. Томасу, в общем-то, было наплевать на убытки страховой компании и даже на бонус, обещанный за разоблачение мошенника адвокатом, на которого Томас сейчас работал, просто он не мог стерпеть, что этот Карстен того и гляди обведет его вокруг пальца и оставит в дураках. Томас на дух не переносил татуировки и надписи на спине. Он достаточно насмотрелся на таких негодяев, отправляя их за решетку, когда еще служил в специальном отделе полиции. Черта с два он допустит, чтобы эта крыса Карстен, этот наглец, плюющийся на все и вся, награждающий жену фингалами, без всякого на то права огребал деньги, — ни шиша он не получит!

Бросив корзинку, Томас поспешил к выходу. На парковке он достал из кармана монету и направился к навесу, под которым в два ряда, штук по десять в каждом, стояли тележки. Оставив куртку с капюшоном и камеру лежать на асфальте, Томас протиснулся в узкий проход между рядами. Подобравшись к последней тележке, он опустил в щель автомата монетку и высвободил весь ряд. Упершись одной ногой в заднюю стенку навеса и потянув за ручку тележки, которая стояла с краю, он с усилием толкнул их все. Вереница тележек со скрипом сдвинулась с места и медленно поехала. Томас подтолкнул тележки сбоку, и они развернулись, наезжая сзади на «порше».

В этот миг в дверях магазина показалось выходящее из супермаркета семейство. Карстен поторапливал жену, которая везла гору покупок. Томас бросил взгляд в сторону входа: до того

момента, когда Карстен вывернет из-за угла и увидит, чем занимается Томас, оставались буквально считанные секунды. Поднатужившись, Томас изо всех сил пихнул тележки в сторону «порше», так что они перегородили выезд с парковки. Не медля ни секунды, он подхватил видеокамеру и куртку и бросился к своей машине.

— Привет, Мёффе, — сказал он, садясь.

Пес зевнул и перевалился на бок, подставляя живот, но Томасу было не до собаки, он уже слышал громкую ругань Карстена, его голос разносился на всю стоянку. Устроившись на водительском сиденье, Томас включил видеокамеру. Поймав в объектив Карстена, он начал съемку.

Карстен метался взад и вперед, как разъяренный бык, жена и сын беспомощно наблюдали за ним. Вереница тележек, наткнувшись сзади на «порше», протянулась до навеса. Все выглядело так, словно кто-то из работников магазина хотел их собрать, но его не вовремя оторвали от дела. Тележки загородили подход к машине, поэтому даже если бы Карстен захотел воспользоваться автомобилем как тараном, ему это не удалось бы.

Карстен потребовал, чтобы жена и сын убрали тележки. Они без особого энтузиазма попробовали сдвинуть их, но, несмотря на громкие понукания Карстена, сил им на это не хватило. Карстен быстро огляделся и, увидев, что рядом никого нет, стал тоже толкать одной рукой. Это не помогло. Тележки не стронулись с места. Жена начала демонстративно посматривать на часы. Сквозь открытое боковое окно Томас услышал отдельные слова — речь шла о том, что ей пора на маникюр. И тут в разгар перебранки сынок вдруг уронил свой планшетник на мостовую. Обнаружив, что экран разбился, он заревел во весь голос. В яростном возбуждении побагровевший Карстен сорвал душивший его воротник.

— Черт бы вас побрал! — гаркнул он и сам взялся за дело.

Продолжая снимать, Томас почесал Мёффе живот. Этот фильм, пожалуй, потянет на «Оскара» или хотя бы на бонус!

На экране компьютера замелькали кадры снятого утром фильма. Несмотря на невысокое разрешение и неточную цветопередачу, изображение Карстена Нильсона получилось хорошо узнаваемым. Ортопедический воротник болтался у него на шее, словно детский слюнявчик, в то время, как он бодро ворочал вереницу тележек.

— Прямо-таки чудесное исцеление — полное восстановление двигательного аппарата! — иронически прокомментировал адвокат Ломан, сложив руки на круглом, как шар, животе, на котором чуть не лопался кардиган.

Семидесятилетний Ломан смотрел видеозапись, сидя за громоздким письменным столом в своем маленьком, прокуренном до желтизны кабинете.

— Да уж. А страховая премия только что стала равна нулю, — подхватил стоящий рядом с его креслом Томас. — Вашему клиенту не на что жаловаться.

— Еще бы! Удачно, что тележки, как по заказу, загородили ему проезд, — сказал Ломан, указав пальцем на экран, где Карстену наконец удалось убрать с дороги помеху. Он отодвинул тележки от своего автомобиля и оставил их поперек выезда со стоянки перед машинами, стоявшими по другую сторону навеса. Очевидно, его совершенно не заботило, что тележки теперь будут мешать другим.

— Случается порой такое везение, — усмехнулся Томас, потирая левую руку, забинтованную выше запястья.

Взгляд Ломана, оторвавшись от экрана, впервые остановился на повязке.

— Что это у вас с рукой?

— Так, пустяки. Слишком далеко высунул из окна.

— Из окна?

— Скоро пойдут эти кадры, — сказал Томас, кивнув на экран, и, обойдя стол, уселся в потертое кожаное кресло.

Ломан приник к экрану, на котором Карстен, крича на жену и на сына, возвращался к машине. Он хотел снова надеть на шею воротник, но от возбуждения никак не мог с ним справиться. Наконец ему на помощь пришла жена, и Карстен нехотя позволил ей застегнуть воротник. Тут его взгляд впервые упал на «ауди», в котором сидел Томас с видеокамерой. Рука Карстена вытянулась прямо в сторону объектива.

— Черт! — послышалось восклицание Томаса, произнесенное в самый микрофон.

Судя по заплясавшим кадрам, Томас резко отбросил камеру, и она объективом кверху приземлилась на приборной доске. На видеозаписи было видно, как Карстен устремился к машине. Послышалось звяканье ключей и брань Томаса, заводящего двигатель. Когда автомобиль наконец тронулся, Карстен схватил одну из деревянных сандалий, в которые был обут, и запустил ею в лобовое стекло, оно пошло сетью трещин. Взвизгнули тормоза, — это Томас попытался дать задний ход.

— Ой, моя... моя машина! — охнул Ломан, не отрываясь от экрана. — Что он себе позволяет!

— Если б я знал, что он так метко бросает, я бы припарковался подальше, — виновато промямлил Томас. — Я, конечно, заплачу за стекло.

Ломан на секунду повернулся к нему:

— А что там было с вашей рукой?

— Смотрите дальше, — сказал Томас, махнув в сторону экрана.

Ломан снова повернулся лицом к экрану. Томас наконец включил заднюю передачу и нажал на газ. Фигура Карстена на экране быстро уменьшалась. Издалека донесся его голос, он кричал:

— Джанго! Да спустите же Джанго, черт возьми!

В следующий момент на экране появился сын Карстена, отрывающий заднюю дверцу «порше», из багажного отделения выскочил белый питбуль. Карстен крикнул «фас», указав собаке на Томаса, который в это время давал задний ход. От резкого движения камера развернулась на Томаса, включившего первую скорость. Томас далеко высунулся из бокового окна, так как сеть

трещин на лобовом стекле не позволяла ничего разглядеть впереди. В тот же миг к открытому боковому окну подлетел питбуль и, подпрыгнув, вцепился зубами Томасу в предплечье. Томас вскрикнул и попытался отдернуть руку, выезжающий со стоянки автомобиль вильнул в сторону. На пассажирском сиденье рядом с Томасом поднялся Мёффе и сишло залаял на бойцовскую собаку. Заметив Мёффе, питбуль отпустил Томаса, чтобы броситься на бульдога, но не удержался в окне и свалился на асфальт. Томас нажал на газ, видеокамера упала с приборной доски на пол. Экран стал черным, но из динамика все еще слышался голос ругающегося Томаса. Ломан выключил компьютер и откинулся на спинку кресла.

— Вы показались врачу? Это же может грозить столбняком.

— Ничего страшного, — сказал Томас.

— Стоит подать иск о возмещении ущерба. Вы вели съемку в публичном пространстве, на улице, так что все было совершенно законно.

Томас отрицательно мотнул головой:

— Не стоит. Я бы тоже не обрадовался, обнаружив, что кто-то ведет за мной слежку и снимает на камеру. Тем более если бы это грозило потерей двух миллионов.

— Вы все шутите, — сказал Ломан. — Хорошо, что с вами был Мёффе, без него вы не отцепили бы эту псину.

Томас посмотрел на Мёффе, который спал у его ног на пертом персидском ковре.

— Да, он все еще молодец, не утратил сторожевых навыков. А за лобовое стекло я, как сказал, заплачу.

Ломан небрежно махнул рукой:

— Это будет записано заказчику в счет производственных расходов. Учитывая, какую сумму мы сэкономили страховой компании, они вполне могут это оплатить. Хотите шерри? — С этими словами Ломан направился к столику, на котором стоял поднос с напитками.

— Нет, спасибо.

Ломан налил себе рюмку:

— Почему не побаловать себя иногда, чтобы скрасить серые будни!

— Как вы думаете, когда можно будет получить гонорар?

— Подойдите к фрекен Маллинг, — сказал Ломан, кивнув в сторону двери, ведущей в маленькую приемную. — Она прямо сейчас выпишет вам чек.

Фрекен Маллинг была секретаршей Ломана и работала в его конторе с первого дня. Ни он, ни она так и не завели семьи, и, глядя на обоих, трудно было понять, какие между ними отношения, ибо вели они себя как давно женатые супруги.

— Спасибо, — кивнул Томас.

Деньги были ему сейчас весьма кстати.

Он уже направился к выходу, но Ломан остановил его жестом:

— Ну что вы как на пожар! Не спешите. Мы еще не все обсудили.

Томас тяжело вздохнул. С тех пор как Ломан перестал вести судебные дела, а брался только за те, что можно было решить, не выходя из конторы, он скучал по публичным выступлениям и хватался за любую возможность поговорить, так что мог уморить разговорами всякого посетителя. За лето, пока Томас работал на него, проводя разные расследования, Ломан успел уже несколько раз прокрутить весь репертуар историй о выигранных процессах.

— Однажды я вел дело, в котором клиент утверждал, что ограбил банк в состоянии помрачения рассудка...

— Но загвоздка была в том, что, кроме этого банка, он ограбил двадцать восемь других, — закончил за него Томас.

— Неужели я вам это уже рассказывал? — удивился Ломан и пригубил рюмку. Он был явно разочарован тем, что Томас не проявил интереса к беседе. — Да-да, — вздохнул Ломан. — Так на чем мы остановились? — спросил он, усаживаясь в кресло.

— На моем гонораре, — ответил Томас, примирительно улыбувшись Ломану.

Вообще-то, он ничего не имел против Ломана, но сейчас ему неохота было составлять старику компанию. Он бы и сам с удовольствием выпил, но только не шерри, а пива.

— Нет, о гонораре мы все сказали. Тут речь о новом деле. Вот что нам надо обсудить. Оно не такое кусачее, как это, — сказал он, кивая на перебинтованную руку Томаса и улыбаясь своей шутке. — Наклевывается хороший заработок. Работы будет по меньшей мере на две недели.

— Нет, спасибо. Меня это не интересует.
— Откуда такая уверенность, если я даже не успел ввести вас в курс дела?

— Потому что я...

— Это работа на большое, солидное датское предприятие, связанное с электроникой. У них начались утечки из банка данных. Я не могу сказать вам, как оно называется, пока вы не дали согласия, но это слово похоже на «биологию», только без «логии», а вместо «и» там «е».

Ломан снова улыбнулся и подмигнул: дескать, вы же меня поняли.

— Нет, Ломан, мне больше не интересна такая работа. На какое-то время это было очень кстати... то есть я хотел сказать...

— Это что, из-за сопутствующих неприятностей? — спросил Ломан, указывая на повязку.

— Да нет. Поверьте, это пустяки по сравнению с тем, с чем мне приходилось сталкиваться.

— Ну, так в чем дело? Чего вы так испугались? — Судя по тону Ломана, это явно была попытка поймать Томаса на крючок.

Томас улыбнулся:

— Я не испугался. Просто эта работа не по мне.

— Она вроде бы ничем не отличается от того, чем вы занимались, когда служили в полиции, только с той разницей, что тут за нее платят хорошие деньги.

— Деньги действительно неплохие. Но одно дело — сыск, а другое — подглядывание в замочную скважину. Не хочу я больше совать в это нос.

— Но у вас так хорошо получается. Лучше, чем у всех других сыщиков, которых я нанимал. Когда вас рекомендовал Йонсон, я сперва сомневался. Надеюсь, вы не обидитесь, что я так сказал.

— Нисколько. Я бы и сам не взял товар, который нахваливает Йонсон. Тем более такой, как я.

Ломан приподнял рюмку, словно чокаясь с Томасом.

— Но как бы там ни было, Ломан, я говорю «нет». — Томас встал с кресла, и одновременно с ним поднялся с ковра Мёффе.

— Все-таки подумайте. Больно уж вы, молодежь, все нетерпеливые!

— Я не так уж молод и подумать успел, — сказал Томас и направился к двери.

— В таком случае я вынужден назвать заказчика, раз вы иначе не понимаете, какой эксклюзивный заказ от вас ушлыкает.

Ломан повертел рюмку, выдерживая театральную паузу.

— Вы собираетесь отказаться от заказа, который исходит от «В & О».

— Это я и так уже понял, и они прекрасно обойдутся без меня.

Томас попрощался и ушел.

Над гулом голосов в кафе «Морская выдра» из старенького музыкального автомата «Вурлитцер» неслась песня «Unchain my heart»¹, исполняемая хриплым голосом Джо Кокера². Стойку бара густо облепила пришедшая потусоваться молодежь; заведшая постарше, сидя за столиками, пила пиво, большинство посетителей курили, и в воздухе плавали густые облака сизого дыма.

Томас явился в «Морскую выдру» пораньше, и ему удалось найти свободное место в конце стойки. Зато он и выпить успел больше других посетителей и потому порядком охмелел — сильнее, чем рассчитывал.

Оглядывая стойку, Томас заметил, что двое молодых барменов, которых Йонсон нанял себе в помощь, еле справлялись, — слишком много набилось народу.

— Никак остальные бары сегодня бастуют? Чего это все сюда повалили? — спросил Томас, обернувшись к Йонсону.

Йонсон, едва успевавший мыть бокалы и обслуживать клиентов, поднял на него взгляд:

— Шутить изволишь, Ворон?³ Разве ты не знаешь, что нас называют «бурым золотом»? Не читал, что ли, местную газетку? — Отложив полотенце, он взял своей огромной клешней хрупкую кофейную чашечку.

Томас помотал головой:

— Руки не доходят. Мёффе их сразу рвет.

Йонсон опорожнил чашку и налил себе новую.

¹ «Освободи мое сердце из оков» (англ.).

² Джо Кокер (1944–2014) — британский рок-певец.

³ *Вороном* зовут героя друзья, поскольку так с датского языка переводится первая часть его фамилии — Раунсхольм.

— В «Кристиансхавнском листке» напечатали целую статью о местных питейных заведениях. Нынче мода на изысканные и укромные.

— Уж «Морская выдра» никогда не славилась изысканностью и модным антуражем.

Йонсон насунился:

— Если бы я угощался в кредит, я постарался бы шутить так, чтобы и другим было смешно.

Томас допил пиво и опустил пустую бутылку перед Йонсоном:

— Дай-ка еще одну.

Йонсон достал из ящика новую бутылку «Хофа» и откупорил.

— Ломан говорит, ты больше не хочешь на него работать?

— Сплетни разносятся быстрее ветра.

— Он сам мне сказал. Заходил тут, играл в бильярд с Викторией.

— Ну и играл бы себе. Чего языком молоть! — Томас глотнул из бутылки. — Я же не нанимался к нему на постоянную работу. Расследовал несколько дел, вот и все.

— Нехорошо все-таки вот так — взял и ушел.

— А он что, жаловался? — спросил Томас и развел руками. — Я только что, рискуя жизнью, сберег для его клиента два миллиона, — сказал Томас, показывая перевязанную руку.

— Да нет же! Ломан был очень доволен твоей работой. — Наклонившись могучим торсом над прилавком, Йонсон придвинулся к Томасу. — Дельце-то и для тебя обернулось хорошим заработком. Ломан говорит, ты вроде как не внакладе.

Томас пожал плечами:

— Я согласился поработать в летнее время, а лето вон уже почти прошло.

— У тебя есть другие дела?

Томас отрицательно покачал головой.

— Вот и я об этом. Так почему бы тебе еще у него не поработать, глядишь, наберешься нового опыта.

— Какой там опыт! Разве это работа — заглядывать в замочную скважину! Дай обезьяне видеокамеру, и она бы с ней справилась.

Йонсон пожал плечами:

— Непохоже, что у тебя такая уйма предложений, что можно привередничать.

— У меня все нормально.

Томас никак не мог понять, о ком Йонсон беспокоится — о нем или о Ломане, или это для самого Йонсона дело чести. Ведь познакомил его с Ломаном Йонсон. Томас не знал, какие отношения связывают двух упрямых стариков, ему было известно только, что когда-то в незапамятные времена Ломан оказал Йонсону юридическую и финансовую помощь при покупке «Морской выдры». С тех пор Ломан владел небольшой долей в его предприятии, а среди старожилов Кристиансхавна считалось, что Ломан и Йонсон вроде как побратимы.

Тут к бару протиснулась молоденькая девушка и уселась рядом с Томасом. Широко улыбнувшись Йонсону, чтобы привлечь его внимание, она, выпятив нижнюю губу, подула себе на разгоряченный лоб, так что затрепетала челка. Томас старался не слишком пялиться на ее груди, туго обтянутые белым топиком, но она перехватила его взгляд, прежде чем он успел его отвести.

— Камилла, — представилась девушка, протягивая ему руку.

Томас пожал ее руку, осознав внезапно, как она молода.

— Хочешь, пойдем сыграем в Мейера?¹

— В Мейера? Спасибо, Карина, но я слишком пьян, чтобы играть.

— Камилла, — поправила она и похлопала его по плечу.

— Прости, но я не рискну.

— Боишься проиграть? — бросила она кокетливо и расплатилась за бутылки пива, которые выставил перед ней Йонсон.

— Нет, боюсь, как бы не надеть глупостей.

Девушка улыбнулась и сгрэбла в обе руки пять бутылок.

— Ладно, если передумаешь, спускайся к нам.

В следующий миг она исчезла в толпе, но тут же вынырнула у одного из столиков возле музыкального автомата.

— Я же говорил, что бурое золото теперь поднялось в цене. Даже у тебя появились какие-то шансы с прекрасным полом, — сказал Йонсон. — Хорошенькая девчушка.

— Хочешь сказать — молоденькая. Ты и тут пытаешься меня сторговать?

¹ *Игра в Мейера* — разновидность игры в кости.

— Нет уж. Тут можешь сам похлопотать, если хочешь. — Йонсон стал протирать новый бокал, не замечая жаждущих посетителей у стойки, которые тщетно старались привлечь его внимание.

— А кстати, ты знаешь Роберта?

Томас покачал головой:

— Это имя мне ничего не говорит.

— Он у меня тут бывает. Роберт. Старый боксер из «АИК»¹. Когда-то давно был его спарринг-партнером. Жесткий удар, ничего не скажешь. Во всяком случае, так было в те времена.

— Похоже, старая списанная галоша. Ну, так что этот Роберт?

— Он работает в охране, держит собственное небольшое агентство, там всего несколько сотрудников. Я мог бы спросить, нет ли у него какой-нибудь вакансии. Бывший полицейский вроде тебя там бы вполне пригодился.

Томас поставил на стойку бутылку и недоуменно воззрился на Йонсона:

— В охранники? Ты хочешь, чтобы я расхаживал по Амагер-центру при галстукке и с дурацкой нашивкой на рукаве?

— А что в этом плохого? У Роберта бывает и работа сторожа. Ночная работа — это уж точно для тебя, — по крайней мере, не будет повода оскорблять людей.

Томас опустил глаза и покачал головой:

— Слушай, Йонсон, давай договоримся. Ты больше не будешь подыскивать мне работу. Я прекрасно справлюсь с этим без твоего участия.

Сунув руку в карман, Томас достал купюру в пятьсот крон и выложил ее на стол.

— Можешь рассчитаться завтра.

— Нет уж, спасибо.

Йонсон пожал плечами и забрал купюру. Вскоре он принес сдачу.

— Только иди-ка ты домой.

— Об этом мы еще подумаем.

¹ «АИК» — любительский спортивный клуб.

Литературно-художественное издание

МИКАЭЛЬ КАТЦ КРЕФЕЛЬД
СЕКТА

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.06.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-607 E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

ARBD1528001R